

Он сказал:—Прощайте, дорогая!
Я, должно быть, больше не приду.
По аллее я пошла, не зная,
В Летнем я саду или в аду.

Тихо. Пусто. Заперты ворота.
Но зачем теперь идти домой?
По аллее чёрной белый кто-то
Бродит, спотыкаясь, как слепой.

Вот подходит ближе. Стала рядом
Статуя, сверкая при луне,
На меня взглянула белым взглядом,
Голосом глухим сказала мне:

— Хочешь, поменяемся с тобою?
Мраморное сердце не болит.
Мраморной ты станешь, я—живою.
Стань сюда. Возьми мой лук и щит.

— Хорошо,—покорно я сказала,—
Вот моё пальто и башмачки.
Статуя меня поцеловала,
Я взглянула в белые зрачки.

Губы шевелиться перестали,
И в груди не слышу тёплый стук.
Я стою на белом пьедестале,
Щит в руках, и за плечами лук.

Кто же я? Диана или Паллада?
Белая в сиянии луны,
Я теперь—и этому я рада—
Видеть буду мраморные сны.

Утро... С молоком проходят бабы,
От осенних листьев ветер бур.
Звон трамваев. Дождь косой и слабый.
И такой обычный Петербург.

Господи! И вдруг мне стало ясно—
Я его не в силах разлюбить.
Мраморною стала я напрасно—
Мрамор будет дольше сердца жить.

А она уходит, напевая,
В рыжем, клетчатом пальто моём.
Я стою холодная, нагая
Под осенним ветром и дождём.